

УДК 316.257

Ольга Барановская

О ГРАНИЦАХ ГЕРМЕНЕВТИКИ

У статті «Про межі герменевтики» розглядаються джерела і межі застосування герменевтичного мислення, його відношення до метафізичного та наукового дискурсу.

Ключеві слова: герменевтика, мова, розуміння, сенс

В статье рассматриваются источники и пределы применения герменевтического мышления, его отношение к метафизическому и научному дискурсу.

Ключевые слова: герменевтика, язык, понимание, смысл

The article “On hermeneutics boundaries” is devoted to reflection upon resources and application limits of hermeneutic thinking, its attitude to metaphisic and scientific discourses.

Key words: hermeneutics, language, understanding, sense

Столкновение с самодостаточностью мира языка, которую приходится преодолевать, чтобы открыть доступ к его освоению – вот что можно было бы считать начальным импульсом для герменевтики, причем независимо от того, идет ли речь об искусстве истолкования тайного смысла знаков, о понимании текста или, по выражению М. Хайдеггера, самоистолкованности бытия. Это очень похоже на то, как самодостаточность природного мира вызывает стремление преодолеть ее в магии или затем в естествознании, разделив и распределив природный мир на «подручные» элементы и формы их взаимодействия. Но почему возможность или право человека давать имена вещам оборачивается его несвободой и даже беспомощностью по отношению к жизни языка, постоянно оставляя его перед вопросом: что это значит?

Вопрос о начале герменевтики, с одной стороны, предполагает указание на условия и истоки «отчужденности», разомкнутости языка и мышления, а отсюда – самого стремления сделать мир языка своим и понятным, – с другой стороны, требует прояснения того, чем должна быть или с чего начинается настоящая, подлинная герменевтика. Решение первой задачи чаще всего упирается в альтернативу оправдания и обличения: или это неустранимая необходимость, вызванная самими различными факторами, или все же скрытый умысел «воли к власти», проявляющейся в экспансии человека как формы жизни. А вторая задача предполагает обращение к онтологическим, экзистенциальным импликациям герменевтического опыта, что позволяет показать источник и мотивации понимания, его фундаментальный статус и признание универсальности герменевтической рефлексии в критике предрассудков.

Тогда обоснование условий перевода невидимого в видимое, скрытого в открытое, а чужого в освоенное должно составить настоящий смысл герменевтики.

Однако то, что герменевтика не может стать методом, т.е. стать машиной для решения герменевтических задач, хоронитее, не дав начаться (что неудивительно в технократической культуре). И даже, например, сегодняшнее осознание значения и роли интерпретации для получения строго научных результатов не приводит к существенным *герменевтическим* сдвигам в принципах научного мышления, хотя сами принципы естественнонаучного мышления как раз довольно легко распространяются и за пределы собственно науки. А «эксперименты», связанные с игрой смыслов, возможностями языка, которыми переполнено искусство и которые могли бы спровоцировать достаточно мощную герменевтическую волну, по большей части, только раздражают публику.

В конечном итоге, герменевтика может начаться именно с внимания к нюансам, к вариативности способов выражения и игре смыслов, а затем и к метаязыку как возможности охватывания языка и рефлексии над ним. Поэтому настоящая герменевтика может быть очень близка к иронии, которая в представлении Р. Барта есть «вопрос, заданный языком по поводу языка» [1, с.384]. И можно сказать, что без иронии нет и герменевтики. Однако в отличие от иронии для герменевтики недостаточно ограничиться подобным вопросом, а, точнее, указанием на отклик языка, приоткрывающий его скрытую силу или же бессилие. Для герменевтики важно *о-силить* пространство, предлагаемое и полагаемое языком, в понимании (о-силить значит и превозмочь, и придать силу).

Пределы применимости герменевтики, конечно, должны быть, и они определяются исходя из условий или оснований, которые очерчивают горизонт ее возможностей и притязаний. В контексте хайдеггеровского видения таким основанием становится экзистенциальный характер понимания, который, в свою очередь, выводится из временности как способа интерпретации «бытийного устройства присутствия», «поведения присутствия» и как того, что конституирует его разомкнутость, разомкнутость мира. Временность, структурированная бесконечно малыми «теперь», формирует расхожее понимание времени, но и представление о мировом времени также оказывается немислимым без структуры. Отсюда следует, что экзистенциальная позиция «вне времени» (т.е. признание времени-разомкнутости иллюзией), присущая, в первую очередь, мистической установке и мистицизму, снимает саму потребность в герменевтическом подходе. Это не значит, что проблема понимания

теряет здесь свою актуальность или отменяется, но она высвечивается и решается иначе, чем это предполагает герменевтика. Мышление вне времени непосредственно связано с синтетическим интуитивным схватыванием, прозрением-инсайтом, возможным только через преодоление различимости и как выход за пределы выразимости, за пределы языка. Интересно, как это было не раз замечено, что Хайдеггер в своих наиболее радикальных интересах как раз и балансирует на грани мистического взгляда, идет по краю, где соприкасаются герменевтика и мистицизм.

Если же отталкиваться от гадамеровского видения, то герменевтика будет бессильна там, где потеряна различимость, различаемость – своего и иного, теперь и потом, понятого и непятого, понятого и как именно понятого... Это может проявляться в самых разнообразных формах – в безразличии и отрешенности (также и в обыденном житейском смысле), в психологической, интеллектуальной, темпоральной самоизоляции сознания.

Границы предметного поля герменевтики и ее теоретического ресурса становятся нагляднее в «системе координат», которая определяется общепознавательными, научными и дисциплинарными установками. И эти установки отражают не только специфические базовые предпосылки и принципы мышления, но прежде всего стоящий за ними язык логоцентрической метафизики.

Общепознавательная установка ориентирована на то, что «*есть нечто*», и надо определить, «*что есть это нечто*», т.е. установить определенность чего бы то ни было в соответствующих декларируемых границах. Герменевтическая установка – «*как именно, каким образом дано нечто*» и это надо перевести в то, «*каким есть это нечто в каком бы то ни было другом способе данности*», т.е. выявить узаконенные языком границы определяемости или истолковываемости чего бы то ни было. Поэтому Гадамер и подчеркивает, что для философской герменевтики «то, что есть, никогда не может быть полностью понято», а «единственно подлинная непосредственность и данность – это то, что мы понимаем нечто как нечто» [2, 208-213].

Вплоть до Дильтея герменевтика подчиняется общепознавательной установке, причем независимо от того, идет ли речь о смысле или о понимании как цели герменевтического интереса. И смысл и понимание здесь – это задача, требующая решения, это инстанции, обладающие значимостью и статусом объекта, по отношению к которым раскрывается субъективная устремленность и познавательная способность. Хайдеггер преобразует смысл герменевтической установки – теперь она представляет

собой внимание к артикулированной самоистолкованности бытия, в том, как оно и показывает, и скрывает себя. Смысл и понимание становятся функциями онтологического спрашивания как предположения, что принадлежит сущностному устройству самого присутствия в бытии и что «в противоположность онтическому спрашиванию позитивных наук исходнее» [3, с.11]. Герменевтическая установка, таким образом, становится экзистенциальным предусловием для осуществления познавательной установки.

В таком контексте разделительный характер вопроса о том, что постигает герменевтика – истину или смысл? – предполагает соответствующее распределение целей: истина – для общепознавательной установки, а смысл – для герменевтической. Что и понятно, ведь установление какой бы то ни было определенности возможно при четко заданных рамках общезначимого, представленного в формальных нормативах истинности. А смысл, о-смысленность, требуют отдельного исследования, поскольку являются как экзистенциально-онтологическим условием предположения или о-значивания, но также и герменевтическим решением в преодолении разомкнутости, отрывочности понимания. В широкой формулировке, смысл выступает здесь как всегда открытая соотношенность, соотносимость значений, а истина как согласованность значений в так или иначе заданных границах. Именно поэтому одно возможно без другого (истинное предложение без смысла и наоборот), но более того, само представление об истинном смысле оказывается уже не герменевтичным.

Радикальная трансформация герменевтики, предложенная Хайдеггером, задала для нее перспективу и масштаб, которые требуют и радикальной переориентации мышления. Его проект можно считать, своего рода, продолжением кантовского «коперниканского» поворота в философии, который, с точки зрения Хайдеггера, остался незавершенным. Кантовский «коперниканский» поворот в философии нацелен на преодоление иллюзии объективности с помощью обоснования и «обналичивания», выявления субъективных априорных источников познания, на критику теоретического разума, а отсюда – преобразование догматической метафизики. Поскольку эти источники и формы мышления, в конечном итоге, неким образом даны, то поэтому Хайдеггер и берется за онтологическое обоснование субъективной способности понимать и о-смысливать что-либо через выявление экзистенциальных измерений присутствия, что также требует пересмотра традиционной метафизики. Но ситуация поворота заключается здесь не в возврате к вне- и надсубъективным импликациям деятельности субъекта, не в замыкании

круга субъект-объектных отношений, а именно в предложении о принципиальном изменении способа мышления о бытии и, соответственно, – статуса герменевтики, которая становится в этой ситуации «разработкой условий возможности всякого онтологического разыскания» [3, с.37]. Изначальный, по-преимуществу, служебный статус герменевтики, преобразуется в фундаментальный. Однако при этом создается впечатление, что именно такой статус выводит герменевтику из сферы активного философского поиска, даже несмотря на то продолжение, которое она получила у Гадамера и Рикера. Возможно это случилось потому, что фундаментальность сама по себе предполагает самодостаточность, а значит, и постоянную рекурсию, и самовоспроизведение, и обращение к постулируемым началам, в отношении которых критика теряет силу. Поэтому, вероятно, Гадамер и вынужден признать: «Для человека самопонимание представляет собой нечто незавершенное, всегда новое дело и всегда новое поражение» [2, с. 248].

В сфере решений, так или иначе связанных с научным дискурсом, границы герменевтики проявляются, как правило, негативным образом, через противопоставление. Если для герменевтики «функционирование языка – простое предварительное условие», то для лингвистики важно высветить функционирование языка как такового [2, с.216]. С лингвистикой сопоставима и риторика, если рассматривать ее в качестве традиционной дисциплины или искусства. Но когда риторика сводится к речевым кодам, представляющим некую самоданность, самоистолкованность и даже самоизоляцию определенных языковых пространств (например, политического, научного и т.п.), функционирование языка должно приобретать здесь специфически герменевтический ракурс. В этом смысле риторика может выступать особым предметом для герменевтики.

Отношение герменевтики к логике далеко настолько, насколько далеки друг от друга герменевтически понимаемый смысл и логический смысл выражения. Даже, когда логика имеет дело с модальностями, оценочными, нормативными суждениями и т.п. она все равно работает в ограничениях, задаваемых структурами и правилами мышления, но не языка. Логика достраивает язык до требуемой для нее формы, лишь частично принимая естественные формы и жизнь языка.

Очевидно, что наиболее близко, герменевтика должна соприкасаться с семиотикой, точнее, семиологией (как метасемиотикой), поскольку герменевтические процедуры истолкования и понимания нуждаются в переводе чужого в свое, одного способа данности в другой, и поэтому, в

конечном итоге, вынуждены опираться на некие принципы или формы согласования, соотносимости знаков. Семиология, работая в этом направлении, имеет тенденцию к методологичности, к выстраиванию процедур, способов анализа отношения и согласования знаков, что могло бы стать дополнением или, по крайней мере, материалом для герменевтического дискурса. Но при этом нельзя не принять во внимание, что то существенное самоограничение, которое вынуждена вводить семиология, для герменевтики может оказаться губительным. Ведь ради методологической корректности здесь приходится называть языком только то, что подчиняется кодировке, включая суждения вкуса и эстетическую функцию сообщений. И даже тогда, когда тот или иной вид сообщений принципиально не кодифицируется, семиологи не утрачивают надежды все таки найти для него свой код. А герменевтика даже в своем исконном предназначении («дешифровка» посланий богов) не полагалась, а точнее, не должна была полагаться ни на однозначность связи знака и значения, ни на унификацию процедур «дешифровки». Код и кодификация могут быть для герменевтики предметом (в частности, как уже было сказано выше, риторические коды могут представлять герменевтический интерес), но ни в коем случае не могут быть методологическим «подспорьем».

Этот краткий обзор показывает, что теоретический ресурс, границы и статус герменевтики формируются, скорее, благодаря ее нацеленности на проблематизацию понимания, осмысления и осмысленности, чем на установление или достижение конечного результата работы с языком. А учитывая, что «никакой понятийный язык, ... не гарантирует мышлению беспроектного достижения результата, если только тот, кто мыслит, доверяет языку, а значит и допускает диалог с другими мыслящими и с мыслящими по-другому», нельзя не признать совершенно непривычный для нас вывод: здесь наличие проблем дает больше преимуществ, чем наличие их решений [2, с.205].

1. Барт Р. Критика и истина. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Тракаты, статьи, эссе.– М.: МГУ, 1987.– С. 349 – 422.
2. Гадамер Г.-Г. Текст и интерпретация. Деконструкция и герменевтика // Герменевтика и деконструкция (под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.) – СПб.: Б.С.К., 1999 – С. 202-254.
3. Хайдеггер М. Бытие и время (пер. с нем. Бибихина В.В.).– СПб.: Наука, 2002.– 451 с.